

ЯНА ВАГНЕР: «ТЫ ЖИВЕШЬ, ПОКА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДЕШЬ ЗАВТРА»

НСЕНИЯ БУРЖСКАЯ
Прозаик и поэт, AI-тренер
Алисы (голосовой помощник
«Яндекса»), в прошлом
году у нее вышел поэти-
ческий сборник «Шлюзы»,
а весной этого года — третий
роман «Пути сообщения»
(первые два — «Мой белый»
и «Зверобой»).

Яна Вагнер

Родилась в 1973 году в Москве в двуязычной семье. Вагнер — девичья фамилия ее матери, которая в 60-е годы приехала в СССР из Чехословакии изучать русский язык и литературу. Окончила Российский государственный гуманитарный университет, работала переводчиком с чешского и английского, более десяти лет занималась транспортной логистикой. Первая публикация состоялась в 2010 году в сборнике «Лисья честность». Известность ей принес дебютный роман-антиутопия «Вонгозеро» (2011). Роман «Живые люди» (2013) — продолжение «Вонгозера» — вошел в лонг-лист премии «Национальный бестселлер». Третий роман — «Кто не спрятался» — написан в жанре герметичного детектива (2017), номинирован на премии «Большая книга», «Ясная Поляна» и «Национальный бестселлер». Готовится экранизация.

Писатель Нсения Буржская поговорила с писателем Яной Вагнер об оптимизме страшных историй, заводных писателях и тонких мирах, откуда приходят тексты.

— Я много видела разговоров с тобой, и мне кажется странным, что никто не спрашивал тебя о тебе. Вроде как, знаешь, если ты писатель, то давай говорить про твои книги. Мне кажется важным поговорить про тебя, ведь это интереснее намного. Короче, назовем эту беседу «ни слова про “Вонгозеро”».

— УРА.

— Мне кажется, у каждого писателя есть какая-то книга, которая его толкнула к тому, чтобы писать. Даже так: есть ли книга, которая так тебя заряжает, что ты читаешь и хочется сразу бежать и писать самой? Чей ты преемник в этом смысле?

† Яна Вагнер.
Фото Ольги Паволги

— Меня Стругацкие, например, так всегда заряжали. Я далека, конечно, от мысли, что могла бы за ними что-то продолжить, они очень все-таки большие писатели. Или, может, один очень большой писатель, потому что не поймешь, где один брат заканчивается и начинается другой.

В общем, ничей я, конечно, не преемник, но действительно есть писатели, которых читаешь и испытываешь острую зависть. Таковую, знаешь, профессиональную зависть хорошую, когда думаешь: даже если у меня так не получится, ну надо же хотя бы попробовать. И вот их очень много. Есть американцы прекрасные — Джон Ирвинг, к примеру, очень его люблю.

— Прямо вот читаешь Ирвинга и бежишь писать? Так это работает?

— Иногда. Сназем, я только что перечитывала тоже очень любимого своего Манса Фриша. Роман «Назову себя Гантенбайн». Это одна из тех историй, когда нельзя в двух словах сказать даже, о чем они, в которых толком нет сюжета, а в «Гантенбайне» к тому же нет главного героя, верней, мы не знаем, кто он и как его зовут. Словом, такой в чистом виде сложный постмодернистский роман, но сделанный настолько ювелирно, что читается легко и счастливо, и не можешь оторваться. Читаешь и думаешь — ну как, как он это сделал. В общем, хоть страницы целуй, и это опять про зависть, ее многие любимые книжки вызывают. Как они все это делают? Почему я так не могу написать? А потом идешь и пробуешь.

— *Может, и к лучшему, что ты именно так не написала, потому что я ничего у Фриша не поняла. Очень сложно, но буду думать дальше. Хотя я понимаю, чем он заряжает — собственно, вот этим отсутствием сюжета и сплошным потоком каких-то эмоциональных умозаключений. По тому же принципу работает какой-нибудь Вилан. Или Хармс. А ты вот как-то говорила, что писательство воспринимаешь как прием сигнала. Это сигнал откуда?*

— Мне кажется, все, что связано с придумыванием — музыка, стихи, тексты, картины, — рождается в каких-то тонких мирах все-таки. Не у нас в голове. Сложно точнее определить, но давай так попробую: они все уже где-то лежат, эти идеальные тексты, мелодии и стихи. Как Микеланджело говорил, в каждом камне есть идеальная скульптура, и скульптору надо только отсечь лишнее, чтоб она показалась. И вот писатель, художник, как его ни назови — он такой передатчик, пожалуй. Или приемник. И в зависимости от того, насколько хорошо у тебя смазаны контакты или, не знаю, настроен слух, ты и принимаешь этот свой текст. Бывает, что почти удалось поймать его. А бывает, плохо расслышала. И дальше ты либо сидишь, мучаешься и скребешь эту тонкую стену, чтобы достать потерянное при передаче, либо просто бросаешь эту затею и назавтра еще раз пробуешь. И это адская работа именно потому, что большую часть времени ты просто сидишь и сквозь жуткие помехи пытаешься расслышать, как на самом деле должна звучать вот эта конкретная фраза. Знаешь, что она есть, слышишь ее даже как будто, просто не можешь передать. Ненавидишь себя за то, что не можешь. Ровно поэтому художники столько пьют — от бессилия. Или чтобы контакты эти чертовы смазать.

— *То есть текст — это звук? Или свет?*

— Не знаю. И звук, и свет, и образ, и краска, что угодно. Это что-то такое, почти нематериальное, но оно при этом существует, и его можно поймать и сюда затащить. Я была недавно на выставке работ одной молодой художницы, она пишет городские пейзажи маслом. Подходишь близко — и видишь мазни, отходишь — а вдруг утро, свет утренний рыжий, который не сверху, а боковой, нежный. И спрашиваешь себя: вот как это делает человек? Вынимает это все откуда-то, и получается кусок жизни.

— *И спрашиваешь себя: зачем же люди так мучаются?*

— Зачем люди это делают — не совсем понятно. Очень странное занятие. А все-таки, мне кажется, оно доставляет нам радость. Ну, то есть, когда мы по эту сторону сидим и нам показывают все эти вещи. А вот когда неумело пытаемся их оттуда достать, мы несчастливы, конечно, совсем.

— *Ты медленно пишешь, как мы знаем. А вообще ты быстрый человек? С точки зрения принятия решений?*

— О нет, и решения я тоже принимаю мучительно долго, это у всех зубовный скрежет, как правило, вызывает. Но я Весы по гороскопу, у нас бесконечный поиск баланса: с одной стороны так, а с другой эдак, и как поступить? А баланса-то не существует.

— *Любишь ли ты скорость?*

— Не люблю. И водитель я тоже сучный. Езжу, как трамвай, — очень тихо, очень тупо, никакого ветра в лицо. Книжки слушаю за рулем, иногда просто заслушиваюсь и еду так медленно, что мне гудят сзади. Н тому же я в деревне живу под Звенигородом, у нас красиво. Едешь, смотришь на лес. Ну и спешить мне некуда, в Москву-то не надо. И еду я, скорее всего, в «Пятерочку» в деревне Ягунино за красным вином и мандаринами. Ну да торопиться?

— *Я все знаю про Звенигород твоей души, но вот если бы у тебя была вторая жизнь, как у героев Простоквашино, где бы ты провела ее?*

— Если бы у меня была вторая жизнь, я ее прожила бы у моря. Всегда снуваю, и мне мало его выпадает. Просто я правда люблю свое Подмосновье и вообще зиму очень люблю, не могу без снега. Так что первую свою жизнь, вот эту, на юг бы тратить не стала, я все-таки северянин.

Мне нужна обязательно смена сезонов яркая. Грибы, мокрый лес. Елки мне нужны обязательно. То есть в пальмах я через месяц завою от тоски. Хотя если долго не вижу моря, тоже тоскую. Ну хорошо, пусть это северное будет море и снег. Можно так.

— *А эпоха какая тебе нравится из тех, где ты не была?*

— Я бы в Belle Époque хотела попасть, в самое начало XX века.

Жизнь бунвально бурлила, все тогда появилось только, новенькое — радио, воздухоплавание, фотография, кино, метро, модернизм и модерн. Холодные завивки, фонстрот и красивые блестящие автомобили. Изумительное время, полное смысла и надежды. Все закончилось, правда, как мы помним, довольно скоро кровавейшей Первой мировой, так что, может быть, изнутри мне это время таким романтичным не показалось бы. И вообще это как в детстве, когда думаешь, что в Средневековье была бы принцессой и ходила в бриллиантовой диадеме, а на самом деле пасла бы свиней и умерла в четырнадцать от туберкулеза. Так что есть вероятность, что и тут никак бы мне не досталось завивон и парижских кафе, а стояла бы я где-нибудь сигареты крутила на фабрике.

— *К слову о принцессах, какая книжка у тебя была любимая в детстве? И кем ты там была?*

— Я уверена, кстати, из этого тест бы вышел отличный: назови любимую детскую книжку, и я скажу тебе, кто ты. Милн и Линдгрэн, например, — идеальные авторы для рефлексующих интровертов, мумитроллей любят одиночки и созерцатели, Марк Твен — ироничные люди с принципами, ну и так далее. Ну а я сильнее всего любила Маугли. «Говоришь ты, а отвечаю я, Ранша-демон: человеческий детеныш мой, и он останется у меня. Его не убьют. А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы!» Я ее вслух всегда читала, вскакивала и размахивала руками. «Твоя охота — это моя охота» и «встань, когда с тобой говорит человек». И сына потом этим мучила, хотя он иначе устроен, у него «Остров сокровищ» любимый. А во мне, похоже, много невысказанного пафоса, и я все мечтаю всночить и что-то кому-то красиво вынриннуть.

— *По ролям ты читаешь, и вообще, ты — очень артистичная, а театр ты при этом не любишь. Какие претензии у тебя к театру?*

— Да, действительно, не люблю. Понимаю, что лишаю себя, скорее всего, какого-то гигантского удовольствия, но мне оно, к сожалению, недоступно. При этом я очень люблю кино и вообще игру антерскую, большой ее ценитель. Но кино за последние полвека очень изменилось, и видно, как раньше переигрывали антеры, как это все неестественно было, какие интонации неживые. А сейчас все на нюансах. Антеры играют глазами, они могут молчать даже, и вдруг раз — глаза погасли или рот умер, это все тонкие, волшебные вещи, которых в театре не видно просто потому, что ты сидишь далеко. И поэтому в театре антер неизбежно говорит громче, чем нужно, и шептать не может, никто не услышит его шепот. В общем, нет, дайте мне крупный план, чтобы я каждую морщинку разглядела, расслышала каждый вздох.

— *Я тебя как-то спросила про роман «Кто не спрятался» — кто ты в этой истории, потому что там очень много голосов. Мне было интересно, какой из них твой, и ты сказала, что все.*

— Ну конечно, все люди, которых я придумываю, отчасти и есть я. И когда меня спрашивают, кто я из них, отвечаю «все», даже когда они очень разные. Точка, в которой мне удается с ними соединиться, это

точка, где мы похожи. Способ их оживить. А потом они постепенно обрастают мясом и кожей, и вот дальше я уже начинаю пугать их и мучить, потому что в жанрах, которые я выбираю, без этого не обойтись. Словом, им не очень со мной повезло.

— *Ты говоришь, что пугаешь их, а сама ты чего боишься?*

— Да того же самого, думаю. У меня самый простой человеческий набор страхов. Я безумия боюсь, долгих мучительных болезней. Смерти боюсь, как все. Боюсь невозможности остановить вещи, которые остановить нельзя.

— *При этом ты невероятная оптимистка. Ты недавно рассказала про Россию будущего, и там у тебя все очень оптимистично, да и по другим вопросам тоже. Как ты вообще пришла к тому, чтобы так оптимистично смотреть на жизнь?*

— Не знаю. Просто мне кажется, надо уметь в жизни видеть хорошее. Вот буквально — добывать радость любыми способами. А когда наступает уныние, бить себя по рукам. И бояться будущего тоже нельзя. Как только человек начинает думать, что ничего хорошего впереди не ждет, не мечтает, не испытывает больше нетерпения и надежды — все, он составил, остается только безрадостно доживать. Дольше всех живут люди, которые это умеют — радоваться, ждать завтрашнего дня с любопытством и нетерпением. Я таких стариков много видела, им, как правило, за девяносто — именно поэтому. Они не говорят «уже поздно, это не для меня», им все интересно. Радость — топливо, которое продлевает жизнь.

— *Как же так получается, что ты веришь, что все будет хорошо, и в голове у тебя всегда позитивный сценарий, а потом садишься и пишешь книгу, в которой никогда не бывает хелпи-энда?*

— Вот и мама всегда меня спрашивает: «Господи, Яна, ты такая всегда была веселая девочка, почему ты пишешь такие жуткие книжки?!» Я не знаю. Ну, во-первых, верить в хорошее вовсе не значит отрицать, что бывает плохое. И к тому же, вдруг я нарочно выбираю такие фантастические, неправдоподобные декорации для своих историй, чтоб держать в голове — это не по-настоящему. И вообще далеко не самое страшное, что может случиться. Точно не самое.

Страшные истории тоже дают надежду, потому что даже в них обязательно спасается кто-то. Ну и потом, мы прощаемся с героями в какой-то точке, а дальше, может, все хорошо с ними будет.

— *Еще про будущее. Как ты относишься к антиутопиям? Веришь в них?*

— Люблю и читаю, но сама написать не взялась бы. Автор антиутопии все-таки не только писатель — это в первую очередь философ, конечно, мыслитель, порядком выше задача. Они видят точки разлома, по которым мир рано или поздно развалится на куски, и начинают ломать. Причем это попытка не предвидеть будущее, а скорее предотвратить. Предостережение. А заодно один из способов зафиксировать настоящее. Хотя даже автор антиутопии, конечно, ничего изменить не может, он просто свидетель, как и все мы. Наблюдатель, и только документирует то, что увидел.

— *Какой правильный ответ на вопрос «Что хотел сказать автор?», когда автор — ты?*

— Такой вопрос задают обычно плохие учителя, которые не любят литературу, потому что это не имеет вообще-то никакого значения. Нету правильного ответа и неважно, чего хотел автор. Он часто задумывал одно, а получилось другое. Бывает, и сам не понял, что получилось, пока его не прочитали, а иногда и после, кстати, не понимает. Это нормально —

и читатель, и текст нередко умнее автора, у него вообще роль довольно скромная. Но вот этот конкретный автор одно и то же пытается, пожалуй, сказать: что люди не хорошие и не плохие, и никого нельзя списывать.

— *Чувствуешь себя взрослой?*

— Не всегда. Далеко не всегда. Мне исполнилось 50, а я все еще удивляюсь всякий раз, когда встречаю человека 92-го, скажем, года рождения, а у него уже борода. Или когда понимаю вдруг, что все голливудские звезды скоро будут моложе меня. Очень неприятное открытие. К этому невозможно подготовиться. Так что нет, человек я, конечно, невзрослый и вообще всем этим несколько потрясена.

— *Я слышала недавно на работе новое маркетинговое определение аудитории, которая называется «50 – это новые 30». Ты согласна, что «50 – это 30» сейчас?*

— Вряд ли 30. Может быть, 40. Все-таки мы как человечество молодеем: если верить ВОЗ, молодость — это теперь до 44-х. Иногда смотрю на семейные фотографии и вижу, что мои старшие родственники и в 40, и в 50 выглядели гораздо старше, чем мы, да и вели себя по-другому. Посмотри хотя бы, как мы одеваемся — рюкзаки эти наши, маечки, неды. Ну и живем мы дольше теперь. Главное — не терять любопытства и радости.

— *В России прошлого, в нулевых, очень любили в глянцевой прессе спрашивать всех знаменитых людей: «Что лежит в вашей косметичке?» Вот в твоей косметичке что лежит?*

— У меня в косметичке, как у всех женщин, помада, и пудра, и тушь для ресниц. И таблетки еще теперь — тоже, в общем-то, как у всех.

